

# Геннадий Головко Петрова притча



Геннадий Головкин  
**Петрова притча**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

**Головко Г.**

Петрова притча / Г. Головко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Эта притча о человеке, много пережившем и много понявшем. И вообще, жизнь - очень интересная штука, хоть и смертельно опасная.

Петр родился семимесячным слабым ребенком. Однако, невероятная забота и сумасшедшая любовь его матери сделала-таки, чудо. Он быстро набирал вес и рос вполне здоровым. Сызмальства Петр был привержен не то, чтобы к оккультизму, но постоянно находился под давлением каких-то неведомых сил. Ему трудно было это объяснить, но на него постоянно давила какая-то неведомая сила, которая висела у него за спиной и постоянно диктовала свою волю, полностью подавляя его собственную. Родители называли это детской мнительностью и неуверенностью, и не относились к этому серьезно. Однако, только он знал, что это не так. Попытаться объяснить это взрослым? Нет, все равно, не поймут. А еще и сочувственно покачают головой, типа – говори, говори, мы-то знаем, что все это детские придумки. Нет, ему совсем не хотелось, чтобы с ним общались, как с умалишенным. Уж лучше так. В себе. Так надежнее. И никто не знает. Характер у Петра, тем не менее, был железный. Одним своим взглядом он мог дать достойный отпор даже самому задиристому хулигану в школе. Учился он идеально, на круглые пятерки, был вожатым класса, а потом и комсомольским вожаком. Внешне он был красив. Но красота его была какой-то особенной, как бы чересчур правильной, что ли, даже пугающей. Выразительные серые глаза глядели изучающе, вызывающе, прямо, не мигая. Трудно было выдержать такой тяжелый взгляд. Волосы прямые, темные, нос прямой со слегка раздувающимися крыльями, губы немного узкие, но они его не портили. Подбородок только был малость тяжеловатый, что и выдавало в нем личность неординарную, сильную. Придя домой, он частенько ложился на тахту и долго лежал молча, уставившись немигающим взглядом в потолок.

– И что ты его разглядываешь? Что там у тебя? Узоры? Облака? – раздражалась мать. Петр предпочитал не отвечать на ее глупые вопросы. А сам в это время разговаривал. С кем? С ним. А может, с ней. Да, впрочем, какая разница, был это он или она и как они могли выглядеть? ОН был, и это было самое главное. С ним было легко. Всегда можно было посоветоваться, спросить, о чем угодно, даже, поболтать на любые темы. Он знал все. Так что, наличие матери с отцом его зачастую только раздражало. Ну, кто они такие? Что они знают? Только учат, как жить? А сами-то, кажется, и не живут. Существуют. Работа – дом, дом – работа. Даже в город выходят только по праздникам. Я уже не говорю, про какие-то театры, концерты. Это уже по великим праздникам. Или редким приглашениям друзей. Вот ОН! Он все знает. Наверное, он был везде, во всех странах и континентах. Ах, как красиво он о них говорит, просто заслушаешься. Вот это жизнь! Вот к чему нужно стремиться! Нет, все-таки, он – мужчина. Он даже слышал его приятный спокойный баритон. Он был, как бархат, завораживал, уносил в небо, ласкал, качал на облаках, открывал дивные картины чудного мира. Кстати, о женщинах. Чтоб вы знали, они меня не интересуют вовсе. Ни как класс, ни как пол, ни как мебель. Никак! Вот такая у нас позиция.

Однако, несмотря ни на что, мать оставалась для него самым близким человеком, с кем он мог иногда поговорить. Одним из любимых моментов в их жизни было – сидеть друг напротив друга за завтраком и рассказывать свои сны. В основном, рассказывал Петр. Мать слушала, кивала головой и, обычной ее фразой была: – Это плохо, это очень плохо. Или – это знак, плохой знак. Петр доверял, запоминал, все «знаки», постоянно ожидая какого-нибудь подвоха. Короче, находился в постоянном напряжении и готовности к действиям. Защитный рефлекс выработался у него абсолютный. Некая фобия внезапной агрессии извне преследовала его повсюду. Он, как будто бы был наэлектризован, старался меньше общаться с товарищами по школе, все больше уходил в чтение книг. А еще ему нравился факультатив по химии. Там он был творцом, а его учитель, Василий Варфоломеевич, стал его лучшим другом и наставником. Они нашли друг друга на почве их невероятных опытов, разговоров по душам, взаимопонимания. А еще у них было одно заветное желание на двоих – изобрести металл, превосходящий по своим качествам золото и платину. Зачем? Да как сказать, наверное, для славы. Ну, и для

богатства, конечно. Это и послужило основной причиной для поступления Петра на химический факультет университета. Учился он прилежно, даже увлеченно. Мечта не проходила, а наоборот, приобретала все более четкие очертания. Петр с Варфоломеичем продолжали свои вечерние опыты, которые, к слову сказать, пока ни к чему, кроме ожогов и разочарования, не приводили. Когда же учеба Петра подошла к концу, и нужно было выбирать себе жизненный путь, он решил посоветоваться по этому поводу с Варфоломеичем. Обычно они собирались у него дома, и дымили своими колбами и пробирками почти до утра, переводя экспериментальные продукты. Сам учитель химии бы человеком глубоко пожилым и малость чокнутым. Над такими обычно подсмеиваются и крутят пальцем у виска. Однако, это ничуть не смущало ни его, ни его преданного ученика. В тот вечер Петр поднялся по лестнице на пятый этаж, позвонил в дверь. Никто не открыл. Позвонил еще. И еще. Тишина. Ключ у него, конечно, был, но он еще ни разу им не пользовался. Не было необходимости. Кажется, это тот самый случай. Осторожно открыв дверь ключом, Петр вошел в коридор. В комнате горел свет. То, что он увидел, повергло его в шок. Обычно химик работал на высоком стуле, склонившись над колбами и реактивами. Варфоломеич сидел на стуле, голова его лежала на столе между колбами и горелкой.

«Как только не сгорел», – только и подумал Петр, но, подойдя ближе, все понял. Варфоломеич умер. Причем, не просто умер. Видимо, он почувствовал себя плохо и вместо того, чтобы дотянуться до лежащего рядом лекарства, он успел накропать на листе бумаги: «Петя, дружок, ничего не получается... брось ты нашу затею, Живи... как все». Петр стоял, как будто пораженный громом. Как же так? Наши с ним планы были такими радужными, и, казалось, еще немного, и осуществляются! И тут... такое. А еще и эта записка! Что же делать? Петр автоматически сунул записку в карман и, как в тумане, вышел из квартиры.

Неделю он почти ничего не ел, лежал, глядя немигающим взглядом в серый потолок.

Мать с замиранием сердца смотрела на него. После того, как он ей все рассказал, она понимала, как же ему сейчас непросто. Рушилась его мечта, а он должен был понять, что делать дальше. Ему нужен тайм-аут. Милый мой ребенок, как же я тебя понимаю. Она задумалась. Но ненадолго. Мозг ее работал быстро и рационально. Решено. Она зашла в комнату Петра, положила его голову себе на колени.

– Тебе нужно отдохнуть, мой мальчик. Развеешься, куда-нибудь съездить. Туда, где тепло, где всегда голубое небо, лазурное море и легкий бриз щекочет лицо.

Петр внезапно представил себе все это. Глаза его засверкали.

– Мам, я готов. Но... как?

– Не переживай, и не ломай себе голову. Я все устрою. В конце концов, зачем нам нужен твой отец? Нюхать его табачный дым и слышать храп по ночам? Пусть позаботится теперь и о тебе. Благо, живем не бедно.

В результате, после долгих советов, поисков и колебаний, Петр решился лететь на Мыс Доброй Надежды. Подальше от людей, где можно подумать, прийти в себя, что-то решить по поводу будущего. Утром, перед полетом, Петр с матерью, как всегда, сидели за завтраком и обсуждали свои сны.

– Ты знаешь, мне сегодня приснился какой-то очень необычный сон, – Петр задумался и посмотрел в потолок. – Это был Варфоломеич. По крайней мере, мне так показалось. Он был, почему-то в шинели, без головного убора, его всего колотило от холода и зуб не попадал на зуб. Он еле мог говорить, но, все же, как мне кажется, я смог понять, что он сказал.

– И что же? – с любопытством спросила мать.

– По-моему, он сказал, что скоро я найду свою судьбу.

– Это плохой знак, – как обычно отреагировала мать. – Что такое судьба? Судьба – это, чаще всего, смерть, а ты летишь в такие далекие края, что сердце мое уже разрывается на части!

– Брось, мама, у тебя все сны плохие, какой бы из них я тебе не пересказывал, – вспыхнул Петр.

Лицо ее вытянулось от удивления. Никогда еще почти за 20 лет ее сын, ее любимый сын не говорил, и даже не намекал, что она может быть не права.

– Ну правда, мам, вспомни. Что бы я тебе не рассказывал, ты всегда говоришь, что это дурной знак и нужно остерегаться. Остерегаться чего? Кого? Мне уже надоело всего бояться и ожидать удара из-за угла! Давай-ка закончим этот разговор, мне еще нужно собираться. – он встал из-за стола и направился в свою комнату.

Слезы подкатили к горлу матери. Вот и дождалась! Дождалась мать, что сын ее упрекает, обвиняет в том, что она его пугает! Да когда такое было? Я же хочу ему только добра, моему сыночке, моей кровиночке, моему родненькому! Значит, что-то поломалось в их отношениях. То-то еще будет, когда он вернется? Господи! Страшно-то как! Она тихо заплакала.

Кейптаун встретил Петра облачной погодой. Несмотря на конец сентября, погода оставалась теплой, ветер дул южный, нежно обдувая лицо. Отель Петра находился на самой окраине Кейптауна, справа от виднелась огромная необычная гора – Тейбл, что значит, Столовая. Смешно. Наверное, потому что верхушки у нее не было вовсе, как будто, великан отрезал ее, как краюху хлеба. Теперь там, наверху, наверное, танцплощадка, – подумал Петр. Ну ничего, как-нибудь, поднимусь, разведу. Сам отель был маленький, человек на двадцать, не больше. Хозяин встретил его радушно, проводил в небольшую, но уютную комнату, окна и балкон из которой выходил на море. Боже, какая красота! Белые кучерявые волны с шумом подкрадывались к берегу, и тут заканчивали свое существование, растворяясь в белоснежном песке. Чайки с криками летали у берега, высматривая свою добычу. Какая красота! Петр никогда не был на море, и то, что он увидел, заморозило его до такой степени, что он стоял неподвижно с рюкзаком на балконе, и все не мог оторвать взор от этой сумасшедшей красоты природы. Этим можно любоваться и восхищаться вечно! Наскоро разобрав вещи, он буквально вылетел к океану. Как же приятно было бежать по ослепительно белому нежному песку, ловя ртом влажный морской воздух! Запах моря буквально одурманил его. Людей на пляже практически не было. Петр разделся до плавок и с криком кинулся в теплые воды океана. Какое блаженство! Он кувыркался, плыл, бежал и катался на волнах, как сумасшедший. Радость и щенячий восторг захватили всю его душу, он был счастлив, захлебываясь этим новым для него чудом. Все осталось позади – и фобии, и потери, и переживания, и страхи! Ничего не существовало, кроме него и этой замечательной природы!

Изо дня в день он только и делал, что проводил время на пляже, изредка заходил в соседний лесок, где жадно глотал хвойный воздух свободы и счастья. Однажды рано утром на пляже он заприметил двух молодых ребят. Они что-то искали в песке. Любопытство взяло верх, и Петр подошел к ним. Ребята недружелюбно окинули его взглядом.

– Тебе чего? – язык их, слава Богу, был английский, легко пойдем друг друга.

– Я просто хотел спросить, – замялся Петр.

– Что мы тут делаем? – один парень был смуглокожий, высокий, с вьющимися жесткими волосами. Видно было, что в его крови текла кровь коренного южноафриканца.

– Ну, да. Вы что-то ищете?

– Ну, ищем, тебе-то что, – второй парень был более агрессивным, коренастым и рыжим, сделал шаг вперед и сплюнул Петру под ноги.

– Вы меня неправильно поняли, я ничего не имею против, просто стало любопытно. – Он бросил взгляд на какой-то длинный прибор, похожий на трубку всасывания от пылесоса. – А это что?

– И что ты все время суешь нос в наши дела? Ты кто такой? Турист? Ну, вот и отдыхай себе, не мешай работать другим! Кстати, а откуда ты такой любопытный?

– Из России.

– Да ладно! Никогда еще в жизни не видел русского! – рыжий расплылся в улыбке и внимательно начал вглядываться в Петра, как будто, тот прилетел с другой планеты. Они оба обступили его, точно Петр был ископаемым, которого они долго искали в песке и, наконец-то нашли.

– И чего вы во мне такого нашли? Я обыкновенный человек. А вы-то местные?

– Мы-то – да, – все еще разглядывали его ребята. – Ты и английский знаешь? Откуда?

– И не только английский. Еще и испанский, – гордо заявил Петр. – Вы у меня еще про медведей спросите, которые у нас по улицам бродят.

– А они у вас точно по улицам ходят? – ребята окончательно запали на Петра.

– Да идите вы... – Петр развернулся и решил уйти.

– Да ты не обижайся, мы отсюда никогда и никуда не выезжали. И нам, конечно, все интересно.

– Да и я, честно говоря, тоже в первый раз выехал из дома.

– Здорово! Расскажешь нам про Россию?

Ребята уселись на опрокинутую кверху дном лодку, и Петр начал свой рассказ. Рассказывал он долго, с жаром описывая красоты России, ее обычаи, природу, людей. Ребята слушали его, раскрыв рты, как на картине «Охотники на привале». Высокого и смуглого парня звали Пол, рыжего – Стивен. Они уже закончили химический колледж и убивали свое время на каникулах в поисках драгоценных безделушек, потерянных отдыхающими на пляже. А эта пылесосная палка – металлоискатель папаши Стивена.

– Ну и как, много нашли? – спросил Петр.

Рыжий засунул руку в карман и вытащил пару колечек и кулон.

– Золотые, – гордо протянул он.

– Дай-ка посмотрю, – Петр внимательно изучил украшения.

– Вот это – позолоченное, указал он на кольцо, а остальное – бижутерия, стоит пару центов.

– Что ты в этом понимаешь! – обиделся Стивен. – Это золото, понял?

– Понял. Только это НЕ золото. Можешь сходить в скупку, или что там у вас есть, вот там тебе и скажут.

– Да откуда ты это можешь знать?

– Оттуда. – Петр самодовольно улыбнулся. – Учиться нужно было хорошо. Особенно, химии.

– А ты что же, специалист по золоту?

– И не только. Я легко отличу любой драгоценный металл от железяки. Это моя специальность. Можем проверить.

– Ладно, верю. Ничего, может, еще что-нибудь приличное найдем. Пошли лучше купаться?

Ребята быстро скинули с себя верхнюю одежду и с визгом и криками ринулись навстречу пенным волнам. Они стали встречаться каждый день, и очень быстро подружились. Практически все свободное время они проводили вместе. То в поисках драгоценностей, то плавая в океане, то за разговорами на старой перевернутой лодке. Время пролетело, и Петру нужно было собираться домой. Приятели даже и мыслить не могли о разлуке, и стали строить планы, как бы Петру еще на недельку задержаться у них в гостях.

– А ты чем собираешься заниматься, когда вернешься? – это был Стивен.

– Честно признаться, я ничем заниматься не хочу и не буду. Может, буду продолжать свои опыты.

– А жить-то на что? – не унимался Стивен

– Не знаю. Пока мать работает, прокормит.

– Так нельзя. Это не по-мужски, – вмешался в разговор Пол. – Скорее это ты должен ее кормить, а не она.

– Кто тебе об этом сказал? Я не просил ее меня рожать. – Петр тоже был серьезен и раздражен.

– Ты не прав. Мы должны работать, должны зарабатывать деньги для своей семьи. Настоящей и будущей. Мужчина – добытчик, хозяин, он глава семьи.

– Так что же вы не работаете? – парировал Петр. – Или рыться в песке в надежде найти пару стекляшек – ваша работа и цель в жизни?

– Это ты зря. – Пол встал во весь рост. – Мы же не собираемся все время ковыряться в песке. Это просто хобби. На каникулах. На самом деле мы со Стивеном уже подыскали себе работу и через месяц начнем работать по-настоящему.

– Ну и работайте. По-настоящему, – фыркнул Петр, поднялся и зашагал прочь. – Подумаешь, работяги. А я и сам знаю, как мне жить, и нечего меня учить и лезть со своими советами ко мне в душу, – бухтел он по дороге.

– Зря он обиделся, ничего плохого мы ему не сказали, – Пол с сожалением смотрел вслед Петру.

– Перебесится, – махнул рукой Стивен.

В эту ночь сон не шел к Петру. Он ворочался, злился, вспоминая свой разговор с ребятами, оправдывал себя, понимая в глубине души, что не прав. В его голове сидели два неуживчивых человечка, которые никак не могли и не хотели договориться друг с другом. Лишь под утро он забылся, но сон его был каким-то зыбким, не глубоким. Вроде бы, как и не сон... А вот какая-то фигура. Как в дымке. Приближается. Какие-то непонятные белые одежды. Лицо не разобрать. Садится в кресло. Понимаю, что он меня видит. Более того, внимательно на меня смотрит. Как бы, изучает. Никогда его не видел. Чего ему от меня надо?

– И не увидишь никогда, – промолвил ночной гость. Голос его был глубоким, каким-то завораживающе-добрым, даже бархатным.

– Вы кто? – не ожидал, что он еще и мысли читает

– И не только мысли, а и всю твою жизнь, – незнакомец положил ногу на ногу, отвалился в кресле. Петр заметил у него на ногах старые поношенные сандалии. Они были совсем не модными, хотя кто же сейчас разберет, что старое, а что модное? Незнакомец немного смутился и спрятал ноги под длинный белый балахон.

– Да, старенькие уже, так новых – то нету! Ничего, переживу. Так, о чем бишь, я говорил?

– О жизни. О моей жизни.

– А что твоя жизнь? С ней все ясно.

– И что же с ней ясно? – сердце Петра бешено заколотилось.

– Да все. А что тебя конкретно интересует? Когда помрешь? Сразу скажу – не скоро. А все остальное – пожалуйста, пользуйся. Только сегодня и только сейчас! – незнакомец сделал широкий жест руками, как бы призывая пользоваться его услугами.

– Хочу узнать, что меня ждет... Ну, хотя бы, в ближайшее время?

– А что бы ты хотел вообще для себя самого?

Петр стушевался.

– Да как обычно. Поменьше работать, побольше отдыхать. Да, еще быть очень богатым. Незнакомец как-то нехорошо усмехнулся.

– Это, конечно, дело не хитрое. А как же без работы?

– От работы кони дохнут. Вы скажите, что мне, все-таки, ждать от жизни?

– Ишь ты, какой прыткий. Говоришь, не любишь работать? Ну, ну. Так слушай меня внимательно. Завтра чуть свет ты должен взобраться на Столовую гору с обратной ее стороны. Знаю, что оттуда никто не взбирается. Но только без этого никак нельзя. Так вот, как взберешься, ищи три высокие ели. Они стоят поодаль от остальных, да и повыше остальных. Ста-

нешь в центр их треугольника, повернешься на север. Потом... щас вспомню. А, да! Сделаешь тридцать шагов, упрешься в сухое дерево, вот там и зарыто твое счастье.

Сердце Петра билось так сильно, что он буквально прижал его в груди, чтобы оно не вылетело наружу.

– И что дальше? – взволнованным голосом еле вымолвил он.

– Да ничего! Счастье, говорю, там твое. А какое – сам увидишь. Правда, глубоко оно закопано, так что, все ж-таки, потрудиться придется. То есть покопать. Ну да, тебе ж надо еще и лопату купить, и кирку. Да, и провизию себе подкупи на недельку. Что-то вид у тебя недовольный. Аааа! Работать не хочется? Понимаю. Ну, тогда спи дальше, возвращайся домой нищим, на шею родителям, мамаша с тобой все равно, возиться будет всю жизнь, как с маленьким, оберегать тебя от всего. Проживешь ты с ней всю жизнь, пока не состаришься, а когда она умрет, не сможешь даже кашу себе сварить. Вот так с голодухи и помрешь. Почему? Да потому, что у безработных корме милостыни – никакого дохода. Да и ее еще нужно заслужить! Ну, что скривился? Тоже не нравится? Тогда я пошел. – незнакомец сделал попытку встать, но Петр остановил его:

– Прости, прости, я не хотел. Я сделаю все, что ты сказал. Завтра же отправлюсь! Значит, я буду богатым?

– Я сказал тебе – там твое счастье. А уж что ты под этим словом подразумеваешь – то и ищи.

– Незнакомец растворился. Как и не было его. Только сандалии почему-то остались у кресла. Странно, что это было и почему он ушел без сандалий? В этот момент кто-то закричал и сандалии исчезли.

– Память ни к черту...

Наутро Петр проснулся таким бодрым, каким не помнил себя давно. И, что самое главное и удивительное, он совершенно отчетливо помнил свой сон. Нет, надо все обдумать. Он сел на постели, скрестив ноги. Итак, что же было сегодня ночью? Сон? Уж чересчур реалистичный. Ну, не явь же? Он взглянул на кресло напротив. Кресло было старое, видимо, никто им не пользовался уже много лет. И, о кошмар! Оно было с конкретными вмятинами от человеческого...ну, тела. Петр отчетливо помнил, что вовсе не использовал его. Разве что, в качестве вешалки. Но только не по назначению. А тут... две отчетливые вмятины от человеческой задней части! Вот те раз! Значит, не сон! Господи, так это был ты?! Ну, конечно, как же я сразу не сообразил? Значит, все правда и впереди меня ждут и приключения, и главное – богатство! Он вскочил с кровати. Так, сегодня был последний день его пребывания в отеле. Все равно, нужно выписываться. А где жить? Где, где? На горе! Как-нибудь, устроюсь. Теплые вещи есть. Да и что я там так долго буду делать? Откопаю клад, и домой, к счастливой и обеспеченной жизни! А продукты на неделю? Ладно, куплю, а там посмотрим. Жаль, не попрощался с Полом и Стивеном... Ладно, как спущусь обратно богатейшим человеком, они лопнут от зависти! Правильно! Лучше потом. А сейчас – в путь!

Наскоро собрав вещи, Петр проскочил по магазинам, купил все необходимое, упаковал все в огромный рюкзак и направился к основанию горы. Разумеется, с фронтальной ее стороны был обычный подъем, как на подъемнике, так и пешком. Но ведь ночной гость строгонастрого приказал взбираться с ее обратной стороны, да и зачем мне рисоваться перед всеми? Не дай Бог, кто-нибудь увяжется, и тогда – пропало дело! Нет, помучаюсь, но залезу с тыльной стороны. Дорога до основания заняла у него почти полдня. Ни одной живой души. И как же туда залезть? Ведь высота ее больше километра! Вот, кажется, с этой, лесистой стороны должно получиться. И Петр двинулся в путь. Кто когда-нибудь пытался лезть в гору с тяжеленным рюкзаком, легко поймет, какой это изнурительный труд. Когда буквально каждый метр дается с огромным трудом. А если посмотреть вниз... нет, лучше туда не смотреть. Он полз дальше и дальше по скале, цепляясь за ветки и камни. Кроссовки его, кажется, до вершины не

доживут. Ну, ладно, хватить хныкать, нужно идти. Стало смеркаться, а вершина даже еще и не показалась на вертикальном горизонте. Значит, нужно искать место для ночевки. Поднявшись еще на несколько метров, Петр обнаружил небольшую выемку в скале. Она была как раз для того, чтобы уместить его и его неподъемный рюкзак. Расположившись поудобнее, Петр достал упаковку сосисок, батон хлеба, сок и начал трапезничать. Какая же красота смотреть на мир с высоты, тем более, на закате солнца! Эх, люди-людишки! Да вам вовек такого не увидите в своей жизни! Жаль, нельзя встать во весь рост, а так хочется распрямиться, распахнуть руки, как крылья... Ах ты ж зараза! Это огромная чайка, пролетая мимо, выхватила у него прямо из руки полбатона хлеба! Чтоб тебе, горластая! Ну, не беда. Провизии я набрал предостаточно. А теперь спать. Он подложил рюкзак под голову, сам накрылся непромокаемым плащом и курткой и ...заснул. В эту ночь никто не приходил к нему в его сон и ничего не вещал. А жаль. Он так надеялся. Хотя, чего жалеть? Все уже сказано, указания даны, осталось только их выполнить. И он принялся ползти все дальше и дальше к вершине. Хоть бы тропинка какая! Подъем стал еще более тяжелым. Временами растительность заканчивалась, и тогда идти было еще труднее – ухватиться было практически не за что, а еще возникало неумное желание – бросить злосчастный рюкзак, который так и тянул его вниз, в пропасть. После обеда солнце скрылось, и пошел крапывающий дождик. Идти стало скользко. Затем, дождь усилился, и Петр понял, что и сегодня добраться до вершины – не судьба. Не хватало еще навернуться вниз, когда цель уже так рядом! Он пытался найти нужную выемку в скале, но она ему, как назло, не попадалась. Зато он уже почти добрался до сваленного дерева. Вот где он и передохнет. Так и вышло. Он прекрасно устроился за стволом некогда упавшей огромной сосны. И безопасно, и относительно сухо от торчащих сосновых лап. Наскоро перекусив, он свернулся в клубок, он уже было начал засыпать, как, откуда ни возьмись, из-за ствола на него уставились два зеленых глаза! Мурашки величиной с кулак пробежали по его спине.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.